

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470)“988/1146” + 94(4)“988/1146”

Хартмут Рюсс

КИЕВСКАЯ РУСЬ И ЕВРОПА

Рец. на кн.: *Raffensperger Ch. Reimagining Europe. Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146* / Christian Raffensperger. — Cambridge (Massachusetts) ; London : Harvard University Press, 2012. — 329 p. (Harvard Historical Studies ; 177)

Раскрывается концептуальная и содержательная стороны монографии современного молодого американского специалиста по истории средневековой Руси. Показана убедительность основной мысли исследования — Киевская Русь была органичной частью тогдашней Европы, что демонстрирует сходство русских и европейских общественных и идейно-политических систем после 988 г.

Ключевые слова: Ch. Raffensperger; Киевская Русь; средневековая Европа; orbis christianus.

10 декабря 1956 г. в своей кельнской вводной лекции Г. Штекль, один из ведущих западногерманских историков Восточной Европы, объявил, что тема «Россия и Европа» уже «более чем столетие — тема для всякого», «кто думает, что обладает соображениями на ее счет и в состоянии мало-мальски владеть пером». В лице Кристиана Раффенспергера к этой теме в данный момент рискнул обратиться не какой-то более или менее квалифицированный профан, а многообещающий молодой историк Восточной Европы, который за свою книгу (как можно судить по тексту на суперобложке) единодушно удостоивается похвалы от американских коллег (Д. Голдфранк, Д. Н. Каизер, Д. Престел). По праву ли?

Главный тезис книги гласит: Киевская Русь в период от принятия христианства Владимиром Святým в 988 г. до первой половины XII в. включительно была «составной частью средневековой Европы». Она обладала «прочным ме-

стом в Европе» («the place of Rus' was firmly in Europe»), и только после этого времени будто бы последовала радикальная смена парадигмы в ее политической ориентации. Автор явным образом отказывает традиционному взгляду «медиевистов, византинистов и славистов» на Русь как «изолированную от Европы» и придаток («parcel») «византийского содружества». В доказательство этой точки зрения он сосредоточивает главное свое внимание на двух полях изыскания — династических браках и торговле. Так как при этом он опирается в первую очередь на ранее выполненные исследования и штудии, главным образом англо- и русскоязычные, налицо преобладание историографического характера работы. То, что автор тем самым перенимает из литературы некоторые ошибочные или спорные факты и интерпретации, для цели прокладываемого им научного курса не так уж существенно.

Тщательный подбор в значительной степени известного науке материала источников по названной теме — несомненная заслуга этой диссертации, завершенной в 2006 г. Он как бы придает вес тезису автора, что Киевская Русь в течение рассматриваемого периода более склонялась к Западу, чем к Византии, причем не только как более или менее периферийная окраина континентальной Европы.

Автор делает интересные наблюдения и соображения по поводу династических браков Киева. Таких браков, заключенных в течение 200 лет, известно 52, из них 40, т. е. 77 %, было заключено с членами правящих династий европейских или скандинавских стран. Как полагает автор, ссылаясь на А. П. Кайдана, после престижной для Руси и для киевского правителя Владимира Святого женитьбы на византийке Анне Порфирородной браки с киевскими князьями более не имели высокой ценности в византийской дипломатии. В хронистике, осуществляемой православным духовенством, ориентирующимся на Византию, женщины с Руси дисквалифицируются дважды: 1) как «слабый пол» и 2) вследствие их браков в латинском зарубежье, что объясняет, почему мы знаем о браках киевских княжон по ту сторону границ преимущественно из западных источников.

По Раффенспергеру, эти брачные связи заключались в большинстве случаев в расчете на политический и военный союз, причем допускается, что причины устройства браков часто остаются неизвестными и вскрываются только посредством спекуляций. К этому разряду интерпретаций отчасти принадлежит и то содержательное, что автор излагает по поводу роли киевских принцесс при иноземных королевских и княжеских дворах: на новой родине они оставили отчасти четкие следы своей власти как королевы и регентши. Они и их соплеменники-приближенные дипломатически и культурно представляли своего рода «посольство» (*embassy*) Руси при чужом дворе и втягивали ее в сложное сплетение европейской политики и тем самым усиливали. Автор приводит ряд выразительных примеров из ономастики, которые показывают, что киевлянки на чужих тронах оказывали значительное влияние на наречение именами своих детей. И наоборот, на отдельных примерах доказуемо влияние на наречение именами в семьях иноземных княжон в Киеве, как, в частности, показывает пример Мстислава-

Харальда (1075/76—1132), чьей матерью была Гида, дочь последнего англосаксонского короля Харальда.

Как и в случае с династическими браками, Раффенспергер видит недостаточно представленной в литературе и торговлю Киевской Руси в направлении Восток — Запад (при рассмотрении вопросов экономического обмена), явно недооцениваемую (вплоть до 90-х гг. прошлого столетия) в сравнении с более ранними по времени зонами обмена по Волге и Днепру в Среднюю Азию и Византию. Так, например, западные вещи вроде бы находились археологами по большей части как византийские, что отвергает взгляд Дмитрия Оболенского на днепровский путь как на «экономически жизненную артерию» Руси. Для автора восточно-западные торговые связи XI—XII вв. — сильный аргумент для представления о Руси как о «части более крупного европейского торгового мира» и «члена средневековой Европы» в избранном кругу «семьи королей» (Ф. Дэльгер) Средневековья.

Логике всей этой аргументации соответствует то, что Раффенспергер хотя и показывает выразительно (гл. 1) всеевропейскую ширь рецепции «византийского идеала» в религии, искусстве, архитектуре и политической символике, но именно как идеал, инструментализированный правящей элитой для собственной легитимации и валоризации престижа. Как в остальной Европе, так и на Руси византийский образец не шел бок о бок (как утверждают некоторые) с политическим доминированием со стороны Византии. Это относилось даже к церкви. В исследуемую эпоху она, несмотря на принятие православной литургии и учения, а также занятие высших духовных должностей преимущественно греками, обрела характер «национальной церкви» (гл. 5), что было совершенно в духе киевских князей, подчеркивающих свою политическую самостоятельность. «Это — новое понимание христианской церкви на Руси, которое отличается от традиционно рисуемого ее изображения» (р. 185).

Хотя книга Кристиана Раффенспергера, как указывалось, обнаруживает много достоинств и способна вдохновляюще повлиять на дискуссию о Киевской Руси в средневековом мире, однако, на взгляд рецензента, уместны некоторые принципиальные замечания.

За автором остается систематическое разъяснение читателю понятия «средневековая Европа», хотя вся аргументация и установка книги без сомнения позволяют осознать, что под этим понимается восточно-, центрально- и западноевропейское пространство и Скандинавия, а *Byzantine Commonwealth* по отношению к нему остается миром самим по себе. Однако, вслед за Б. Х. Самнером (который, впрочем, не сомневался в принадлежности России к Европе), следует указать на то, что с точки зрения азиатской перспективы сходства между Византией и латинской Европой были основательнее, нежели различия, что, кстати, подчеркивает и описываемая в вводной главе европейская рецепция «византийского идеала» в круг мирового христианства.

Контраргументы (т. е. рассмотрение Киевской Руси как находившейся вне средневековой Европы) своему основному тезису Раффенспергер видит в основном в рамках традиционной историографии. Последнюю он почти целиком, за немногими исключениями (Дм. Оболенский !) оставляет в виде анонимных

работ и относительно их научной значимости, и что касается историографической и временной привязки. У публики, не столь образованной в истории (а книга явно нацелена на более широкий круг читателей), благодаря этому может возникнуть впечатление, будто речь идет о позиции большинства ученых-историков вплоть до недавнего времени. Но это же не так. Если автор имел в виду весьма спекулятивные и отягощенные идеологией взгляды (славянофильские и националистические учения XIX в., видение Запада (*Abendland*) школой Ранке, концепции евразийцев, взгляды Запада на Россию во времена холодной войны и т. д.), то они уже давно не защищаются в серьезных исследованиях, кроме некоторых неоевразийских и антинорманских тенденций в постсоветской России.

Представляется недостатком и то, что Раффенспергер явно не знает соответствующей немецкоязычной литературы. Из примерно 450 названий списка литературы лишь шесть на немецком языке, которые к тому же восходят к авторам, не специализирующимся по Восточной Европе. При известных условиях с этим можно было бы смириться, если бы в тех областях исследования, которые для автора составляют главную основу аргументации, именно немецкоязычной исторической литературой о России не были бы опубликованы с начала прошлого столетия основополагающие штудии. Это касается как политико-династических связей между Киевской Русью и ее западными соседями (Т. Эдигер, 1911; Фр. Браун, 1925; Р. Блох, 1931; М. Хеллман, 1959; 1962; Г. Штекль, 1965; В. Филипп, 1967; И. Форссман, 1970), так и экономических связей (Л. К. Гетц, 1922; Н. Бауер, 1929; И. Брутцкус, 1931; А. В. Циглер, 1947; Э. Целлнер, 1952; Б. Видера, 1954; 1971; 1974). Все эти авторы в основном исходили из предпосылки, что Киевская Русь была также и частью латинской Европы. Манфред Хеллман дал такой заголовок второму разделу своего очерка о Киевском периоде в томе «Россия» (*Fischer Weltgeschichte*, 1972): «Вхождение Киева в мир европейских средневековых государств». Намеченное в нем научное кредо положено в основу большинства работ последующего поколения историков, специализирующихся по Восточной Европе (в Германии это Г. Шрамм, Э. Доннерт, К. Цернак, Э. Хеш). Такое положение дел в историографии явно противоречит представлению Раффенспергера о традиционной исторической науке, которая-де исключила Киевскую Русь из средневековой Европы, и одновременно релятивирует мнимо инновационный характер его основного тезиса. Правда, он правомерно отвергает мнение, что Киевская Русь в исследуемую эпоху односторонне ориентировалась на Византию или находилась под ее политическим доминированием. Но другая крайность — маргинализировать и минимизировать византийское влияние и противопоставлять ему альтернативный сценарий тесных связей с Западом, пожалуй, также мало соответствует исторической реальности. Вспоминается, что в 1043 г. купцы с Руси получили позволение основать внутри городских стен Константинополя свой постоянный торг, который в XII в. располагался у церкви Сорока Мучеников. Вслед за Карстеном Герке, мы считаем, что значение христианизации со стороны Византии и Болгарии не исчерпывалось «специфическим родом благочестия и Божественной литургии» или «восточнославянско-

византийским синтезом» в церковной архитектуре и иконописи, но оставило глубокие следы в ментальности широких слоев населения и во взглядах элиты на власть. В этом плане все еще имеет силу то, что как итог интернационального исторического исследования было сформулировано рецензентом в 1980 г. в «Handbuch der Geschichte Russlands»: «Находящаяся под сильным культурным влиянием Византии и со своими одновременно удивительно многообразными политическими, экономическими и культурными связями с Западом Киевская держава была частью *orbis christianus* Средневековья».

Несмотря на критические замечания, книгу Кристиана Раффенспергера прочитать полезно. Написана она убедительно и с большой эрудицией, дает краткий обзор контактов и связей Киевской Руси с Западом после принятия христианства и, кроме того, предлагает богатый материал для дискуссий на вечную тему «Россия — Европа». Поэтому стоило бы пожелать, вслед за автором, чтобы книга его благодаря дальнейшим детальным изысканиям послужила новым стимулом к углублению наших знаний о положении Киевской державы в средневековом мире европейских государств.

УДК 2-522 + 94(477.75) + 94(479.22)

А. В. Шаманаев

РУССКИЙ АФОН АРХИЕПИСКОПА ИННОКЕНТИЯ: ДВА ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ ПРОЕКТА

Рец. на книги: *Kozelsky M. Christianizing Crimea : Shaping sacred space in the Russian Empire and beyond / Mara Kozelsky. — DeKalb : Northern Illinois University Press, 2010. — XIV, 270 p.; Калиновский В. В. «Древностей — и замечательных, и интересных, и красивых — непочатый уголок» : церковное крымоведение (1837—1920) / В. В. Калиновский ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. — Киев ; Симферополь : Антиква, 2012. — 340 с. — (Биобиблиография крымоведения ; вып. 18).*

Рассматриваются монографии М. Козельски и В. В. Калиновского, посвященные истории изучения, сохранения и актуализации памятников церковной археологии Крыма. Особое внимание уделяется анализу разделов, характеризующих проект архиепископа Иннокентия по восстановлению средневековых христианских монастырей на Крымском полуострове.

Ключевые слова: Крым; история археологии; охрана памятников; история Русской православной церкви; архиепископ Иннокентий.

Фонд крымоведческой литературы недавно пополнился двумя монографиями, посвященными проблеме отношения Русской православной церкви к историко-культурному наследию Крыма в конце XVIII — начале XX в. Интересен сравнительный обзор этих работ, основанных на сходной источниковой